

Почвенный Штольц

К 80-летию Солженицына

*Известия - 1998 -
11 дек. - с. 1, 5.*

Максим СОКОЛОВ

И восхищение перед тем неподъемным, казалось бы, для одного человека трудом, который удалось своротить Солженицыну, и неприятие — порой юмористическое, порой не очень — и личностных, и мировоззренческих, и даже чисто поведенческих («вермонтский отшельник», «православный аятолла» etc.) черт великого писателя имеют одну и ту же причину. Один из самых почвенных русских писателей является в то же время личностью чрезвычайно не русской — отсюда восторги, отсюда и негодование. Не русский — в смысле «по-немецки собранный и дисциплинированный». Русская почвенность устойчиво ассоциируется с известными национальными чертами — «Мы беспечны, мы ленивы. // Все из рук у нас валится. // И к тому ж мы терпеливы — // Этим нечего хвалиться» — тогда как вся жизнь Солженицына еще с довоенных времен была исполнена размеренной трудовой аскезы в духе лучших бюргеров Германии. Гетевский принцип «Доканчивай то, что начал» — это принцип и солженицынский. Сочетание лучших черт немецкой основательности с безусловной укорененностью в русскую почву

оказывается столь неожиданным, что от Солженицына отворачивались и, вероятно, будут отворачиваться как раз те, кто объективно желал бы именно этого соединения. Великая мечта о возвращении России в семью культурных европейских народов, соединение идеалов России и свободы предполагает ведь как раз это: восхождение родины к размеренному культурному быту старых европейских наций — для чего Россия и должна стать нацией почвенных Штольцев, другого способа восхождения к культуре не наблюдается.

Если бы бюргерская педантичность Солженицына порождала лишь массу бытовых анекдотов про писателя-пророка, было бы полбеды — какой же великий русский писатель без таковых анекдотов? Беда в том, что такая серьезность и основательность не могла не столкнуться в самой жестокой распре не только с советским государством — это-то понятно, — но и с отечественной общественной мыслью, представители которой всегда любили говорить, но не всегда любили (точнее — всегда не любили) договаривать до логических выводов.

Осматриваясь на ту трясину, в которой мы пребываем в декабре 1998-го, можно винить кого угодно — Ельцина, Гайдара, Зюганова, Горба-

чева, Карпа, Сидора etc., но стоит обратить внимание на одно мало замеченное обстоятельство. За время коммунистического правления Россия породила три волны эмиграции, так любившей говорить: «Мы не в изгнании, мы — в послании»; в годы брежневского помягчения возник самиздат, и стало возможным — не без неприятностей, разумеется, но все-таки — обсуждать что-то конкретное, касающееся послекоммунистического жизнеустройства. Что же было если не придумано, то хоть обдуманно? — почти ничего.

Премудрости избирательного права, конституционализма, федерализма, бюджета, налогов, приватизации — всего того, с чем неизбежно должна была столкнуться страна, избавившись от коммунистов, — умственная элита как метрополии, так и русского Зарубежья постигала одновременно с простым народом — то есть по мере поступления трудностей. Что даже ставит под известное сомнение расхожий тезис об интеллигенции как о мозге нации: если мыслительные реакции мозга одновременны и однопородны с таковыми же реакциями рук, ног и прочих членов тела, то мозг ли это?

(Окончание на 5-й стр.)